

ЛЕНИНГРАД

№ 9

1944

«Художественная литература потому и называется художественной, что рисует жизнь такую, какова она есть на самом деле. Ее назначение — правда безусловная и честная. Суживать ее функции такую специальностью, как добывание «зерен», так же для нее смертельно, как если бы вы заставили Левитана рисовать дерево, приказав ему не трогать грязной коры и пожелтевшей листвы... Как ему ни жутко, литератор обязан бороться свою брезгливость, мараить свое воображение грязью жизни... Он должен знать, что навозные кучи в пейзаже играют очень почтенную роль, а злые страсти так же присущи жизни, как и добрые».

Эти слова из одного чеховского письма как нельзя лучше выражают отношение великого писателя к задачам литературы, к задачам писательской работы. Стремление к правдивому, неприкрашенному, подлинно-реалистическому изображению жизни было постоянным стремлением Чехова в его творческой работе. Этого же он требовал и от других, в частности, от молодых писателей, с которыми переписывался и рукописи которых читал. И это требование безусловной правдивости отнюдь не означало, что Чехов одинаково относится к добру и злу, что он чуждается идейной направленности. Когда его упрекали в отсутствии «направления», в том, что в его рассказах не видно оценки действительности, он возражал самым энергичным образом:

«Вы говорите мне, что в моих рассказах отсутствует протестующий элемент, что в них нет симпатий и антипатий... Но разве в рассказе от начала и до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление?»

Чехов был глубоко прав. Его рассказы и пьесы, правдиво показывая русскую действительность, раскрывали ее мрачные стороны и вызвали определенное отношение читателя.

Разве можно сомневаться в том, кому симпатизирует писатель и кого он осуждает в таких рассказах, как «Спать хочется», «Ванька Жуков», «Унтер Пришибеев», «Злоумышленник», «Человек в футляре»? Разве не ясно, что чуткий, любящий людей и болеющий за них писатель всей силой своего таланта, всей страстью своего сердца зовет читателя на помощь обездоленным и пришибленным людям, зовет на борьбу против мрака, насилия, угнетения?

Чехов не высказывал свое мнение — читатель узнавал его по маленькому штриху, по одной детали (а искусством художественной детали Чехов владел как никто другой!).

Так, в рассказе о Ваньке Чехов не говорит, что положение Ваньки безвыходно, что ему никогда не вырваться из кабалы, пока эта кабала существует. Ванька просит дедушку взять его обратно, в деревню. И на протяжении всего рассказа читатель еще может думать, что дедушка вызовет Ваньку из неволи, что Ванька не обречен. Но в самом конце Чехов мастерски разбивает эту иллюзию. Ванька пишет адрес: «На деревню дедушке». Читателю ясно, что все просьбы Ваньки напрасны, что

его голос затеряется в бескрайней пустыне, где письма «развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками».

Краткость и выразительность Чехова — предельны. И этой краткости он требовал от каждого писателя. Он писал об этом и своему брату — литератору Александру Чехову, и молодому Горькому, и другим писателям.

«Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте», — советовал Чехов писательнице Л. Авилевой.

«Что я ни читаю — свое и чужое — все представляется мне недостаточно кратким», — писал он Суворину.

Это требование относилось и к описанию природы (лунную ночь показать

одной деталью — блестящим на мосту горлышком бутылки), и к описанию действий (если введено ружье, то оно должно выстрелить), и к диалогу, и к переживаниям действующих лиц. Это требование относилось и к композиции рассказов и к их заглавиям.

«Попробуйте оторвать первую половину рассказа; вам придется только немного изменить начало второй и рассказ будет совершенно понятен», — говорил Чехов.

И сам он беспощадно сокращал свои произведения, добываясь той простоты и выразительности, которая стала характернейшей чертой его творчества.

Чеховские принципы, его советы писателям, его жесткие требования ни мало не устарели и целиком применимы в работе молодых (и не только молодых!) советских писателей.

И если для той эпохи, в которую жил и писал Чехов, типичны были бессильные маленьких людей перед безысходной, серенькой действительностью, если в эту эпоху на открытую борьбу выходили лишь немногие, то в наше время жизнь выдвинула тысячи героев, сумевших дружным усилием всего народа разгромить врага. Показать этих людей так же правдиво и ярко, как Чехов показывал своих героев, — почетная задача советской литературы.